

УДК 009:930.85+85(091) (Гуманитарные науки в целом. История цивилизации. История культуры (общие вопросы). История литературы (в целом))

«МНИМЫЕ ВЕЛИЧИНЫ» Н.НАРОКОВА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРА РОМАНА

© 2017 А.И.Ванюков

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы.
E-mail: ai_vanukov@mail.ru

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.
Н.Г.Чернышевского. Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Роман Н.Нарокова (Николая Владимировича Марченко-Нарокова, 1887–1969) «Мнимые величины» вышел в издательстве имени А.П.Чехова (Нью-Йорк) в 1952 г. и стал заметным явлением в литературе русского зарубежья [1] как по содержанию (1937 г. в советской России), так и по форме (традиции русского классического романа, прежде всего, Ф.М.Достоевского [2]). Велика роль в раскрытии авторской концепции романа как эпического целого «первого слова», заглавия, которое, по С.Кржижановскому, «дает в мале всю книгу», «конденсирует ее» [3]. Роман Н.Нарокова «Мнимые величины» состоит из двух частей: в первой части – XXIV главы, во второй – XXI глава, и, взятые в единстве, они раскрывают постановку и развитие заглавной «темы», ее основного и метафорического смысла.

Ключевые слова: роман Н.Нарокова «Мнимые величины»; авторская концепция заглавия; метафорический смысл заглавной темы.

В знаменитом «Энциклопедическом словаре» нарочковской эпохи «мнимые величины» трактовались как «результаты, происходящие от извлечения из отрицательных количеств такого корня, показатель которого есть четное число»; «они не встречаются в ряду положительных и отрицательных величин»; «мы оказываемся вынужденными только признать их величинами особого (пятого) рода» [4].

Уже первое предложение первой главы четко фиксирует начало, завязку романного повествования: «То, что произошло около 5 часов вечера 16 июля 1937 года, сыграло большую роль в жизни Евлалии Григорьевны» [5]. А произошло некое дорожно-транспортное происшествие, которое было «словно <...> тщательно сретировано» (10). На Евлалию Григорьевну наехал автомобиль: «...движения (ее и шофера) были вызваны <...> шестым чувством», «шестые чувства пошли совершенно параллельно», «получилась как будто игра» (10). Евлалия Григорьевна «немного ушиблась» (10), «выскочивший из автомобиля мужчина» взял ситуацию под контроль, затем довез Евлалию Григорьевну до ее дома, довел «до самой квартиры» (11), представился: «Семенов, Павел Петрович, 46 лет от роду, партийный» (13). «В глубине его глаз пряталось за твердостью и самоуверенностью что-то скрытое: словно бы недоумение, словно бы вопрос» (14).

Следующие главы, по V включительно, показывают предысторию Евлалии Григорьевны Шептаревой, служащей в облместпроме машинисткой, и ее семьи: мать Мария Владимировна умерла в мае 1933 г., отец Григорий Михайлович Володеев «капризен», «сластолюбив» (17), эгоистичен; муж, «молодой инженер» Вадим Николаевич был арестован в конце 1935 года (19); у нее пятилетний сын Шурик, которого она оставила у соседки, «старушки» Софьи Дмитриевны, когда уходила на работу. «Надо было жить» (19). «Происшествие с автомобилем скоро забылось. Забылся и Семенов» (21, IV глава), но вот («недели три спустя») он приходит к Евлалии Григорьевне, вспоминает о «пустяке» («оно вроде как бы заноза» – 22), рассказывает о случае на железной дороге («задавил человека» – 22–23), приносит «малышу» «пару детских коньков на роликах» (23). «В его приходе было что-то скрытое и словно бы тяжелое, даже немного болезненное, но, что именно, Евлалия Григорьевна никак не могла понять» (24). «Влюбился он в вас, голубенькая! Влюбился!» (24) – сказала Софья Дмитриевна. Семенов присылает Евлалии Григорьевне пишмашинку, приносит работу («толстую рукопись») и аванс 200 рублей. Евлалия Григорьевна «все старалась понять: как это вышло, что она не сказала ни одного слова отказа, а согласилась взять работу. Ведь она не хотела брать ее» (27).

Начало VI главы представляет «Ефрема Игнатьевича Любкина», который «был назначен начальником Областного управления НКВД недавно, месяца два тому назад» (27), и стиль его работы (выступление перед чекистами): «Партия ставит перед органами НКВД государственную задачу первостепенной важности: уничтожить всех врагов народа. Всех – сегодняшних и завтрашних – «и всех, кто с врагами одним воздухом дышал» (29). «Работать станем по-новому! – продолжал Любкин. – И себя щадить в работе уж никак не придется» (30). «За плечами Любкина колыхалось бесформенное, но несомненное, громадное и беспощадное. Оно невидимо накапывалось на всех, и каждый знал: оно подавит» (30). За Любкиным стояла «сила» (30), «злая сила» (31). И даже, когда Любкин с Супруновым («свой человек» – 28) вышли из зала, «очарование все еще не проходило» (31).

Следующая, VII глава, продолжает раскрытие образа Любкина, поднимаясь до осознания смысла и цели «ежовской кампании». После поездки «в середине августа» в Москву Любкин товарищески говорит в углу своего кабинета Супрунову: «...если сейчас самого Ежова или Сталина спросить, зачем они этот погром устраивают, то они и сами ничего объяснить не сумеют. Потому что здесь не разум и не план, а вроде как бы инстинкт» (34). Любкин считает, что цель «ежовской кампании» «в том состоит, чтобы в каждую клеточку мозга и нерва гвоздь вбить: «Нет меня... Подчинение <...> вот оно-то <...> и есть на-сто-ящее» (35). «Подчинение большевизму» (35). Павлу Семеновичу Супрунову кажется, что «вожди» – в его руках, и он – «сила» (36). Любкин засомневался: «...но только вот вожди-то <...> настоящее ли это?» (36).

VIII глава знакомит нас с «личной жизнью» Любкина, с его «бабой», Еленой Дмитриевной Кудрявцевой, которая раньше преподавала русский язык в средней школе, а теперь хорошо «устроилась», была и «raffinee», и «стерва» (37), «спит» с Любкиным. Тот «всегда предупреждал ее по телефону» о своем приезде, «уезжал точно в назначенное время» и «не видел, как она, заперев за ним дверь, возвращалась в комнату с тонкой улыбкой злого умысла и сокровенной мысли» (39).

IX и X главы – по контрасту с предыдущей – показывают «неожиданное» в жизни Евлалии Григорьевны «после прихода Семенова» (39). Евлалию Григорьевну вызвал начальник местпрома, Николай Захарович Чубук и отправил ее в «двухнедельную командировку со специальным

заданием» (41) – переводом статьи из французского журнала. «Евлалия Григорьевна перестала ходить на работу, а стала работать дома» (42).

В X главе неожиданно, в неурочный час к Евлалии Григорьевне пришел Семенов, не застал ее дома, поговорил с Софьей Дмитриевной Дивильковой, узнал, что Евлалия «голубенькая» и «некому вытереть ее слезы» («Вытрем, – совсем неожиданно сказал Семенов» – 45), затем ему пришлось говорить с Григорием Михайловичем, «и видно было, что ему что-то неприятно» (47). «Прямо на кровать ко мне дочку-то подсовывает! – подумал он и <...> стал быстро спускаться по лестнице, все время настойчиво повторяя: “Сволочь! Сволочь! Сволочь!”» (48). Глава заканчивается кратким разговором Семенова с Евлалией Григорьевной «на лестнице», «и он почувствовал, что ему опять стало так хорошо, легко и просто, как тогда, у Софьи Дмитриевны» (48).

Следующая пятерка глав: XI–XV – строится по такому же принципу, что и предыдущая, в ритме 2–1–2. В XI главе продолжается линия: Евлалия Григорьевна – Семенов. Кто такой Семенов, она не знала, но понимала, что он «важный партиец» (49), а таких людей «она всегда побаивалась»: это «особые существа, которые “все могут”» (49). «Внутри этих людей (большевиков – в контексте понимания Евлалии Григорьевны) нет человека» (49). «Семенов пришел часов в 7» (51), рассчитался с Евлалией Григорьевной за перепечатанную рукопись, и они поговорили о «жизни» и «о людях». На «тоскливое» замечание Евлалии Григорьевны: «Холодно очень!.. Бесприютно. И люди кругом страшные... Люди другими стали» (52) – Семенов озлобился: «Так разве ж можно вам жить такой <...> голубенькой» (52). И Евлалия Григорьевна «через его злое негодование <...> увидела его муку, которой он мучится, которую прячет и от которой бежит» (52). «И вдруг со странной, непонятной ясностью Семенов увидел, что ответ на его вопрос есть, уже есть, но ответ этот может дать только Евлалия Григорьевна и больше никто» (52).

В XII главе Евлалия Григорьевна идет в местпром с переводом статьи, Чубук «с лукавинкой в глазах» отправляет ее в командировку в спецотдел (54), к «товарищу Волошину» (54), который и назначает ей новую ставку (400 рублей), «хотя работы и не будет» (55). «Она ничего не понимала, но тайным инстинктом чувствовала, что во всем этом что-то кроется, и кроется дурное» (55). Она «чувствовала смущение и страх... Какие-то люди разыгрывали какую-то игру, в которой она

была пешкой» (56). Что делать, она не знала. «Но прошла еще неделя, и 18 сентября все сразу изменилось» (56) – так заканчивается XII глава. Глава XIII повествует об аресте отца Евлалии Григорьевны Володеева Григория Михайловича: «Всю ночь в квартире было придушено, мертво и по-могильному тихо... Это был почти мистический страх перед силой, которая враждебна обычному человеку» (59).

XIV–XV главы показывают реалии чекистских бредов и фантомов. Любкин проверяет работу «Терпугова, начальника следственного отдела»: «...следователи <...> начинали зверствовать» (61), «в показаниях был самотек» (61), «бред сплетался с бредом», «создался мир колеблющихся, неуловимых фантомов», «а за фантомами стояла неведомая сила» (62). «Странные ощущения начали в последнее время охватывать и Любкина, когда он, подобно всем, стал терять ощущение реальности жизни и реальности людей» (62). Любкин хотел съездить «к бабе», Елене Дмитриевне, но пришел Супрунов и положил на стол «серьезное дело»: «протокол показаний председателя местного горсовета Варискина, арестованного месяца два тому назад» (63). И XV глава показывает историю Варискина, его ареста, первого допроса уполномоченным Яхонтовым и пытки в подвальной «камере» Жорки. «Жорка продержал его в ящике 12 часов – это была «первая порция» <...> даже после первой “стойки у Жорки” обвиняемый сознавался во всем, в чем ему приказывали сознаться, и подписывал чудовищные обвинения против себя и против других» (68).

Далее пять глав: XVI–XX разворачивают дело Варискина. В XVI главе Яхонтов для того, чтобы «взбодрить» Варискина, который «был сломлен» (69), подсылает к нему «подсыпку», и Петрухин («завзаготзерном был» – 69) «раскрывает» Варискину суть партийной акции «отбора» «верных сталинцев»: «И нужно для этой акции 10 тысяч верных партийцев» (71). «Никакого неправдоподобия в словах Петрухина он не видел, потому что привык жить неправдоподобием и служить неправдоподобию. “Хитро задумано!” – с восхищением ухмылялся он» (73). И на другой день Варискин начал рассказывать Яхонтову про несуществующую контрреволюционную организацию «Чёрная рука» (73, XVII глава). «Изо дня в день он жил в напряжении, создавая ложный мир людей, ложных слов и ложных действий... Самым же реальным была ложная цель: 10 тысяч отборных, верных партийцев, выполняющих великую акцию во главе со Сталиным» (74). «И чем больше углублялся он в несуществующий мир,

тем реальнее становился для него этот мир призраков-фикций» (75). В XVIII главе обнаруживается «неожиданный поворот» в деле Варискина. Он говорит Яхонтову, что во главе «Черной руки» стоит «не кто другой, а сам Любкин», а Супрунов стоит «во главе боевого отдела “Черной руки”» (76). Яхонтов понимает, что «скрывать дело нельзя» (76), и идет к Супрунову. «Отпустив Яхонтова, Супрунов пошел к Любкину» (77). «Дело серьезное» (77), и Супрунов решает «ликвидировать их и без стенки» (77). Любкин пытается понять «человеческое в этом деле»: «Это ведь <...> это край?!» (78). «Надо дело делать, а не о человеческом думать! Какое такое человеческое ты нашел? Зачем оно тебе?» (78) – говорит Супрунов.

В XIX главе Любкин едет к Елене Дмитриевне, та заявляет ему: «Я люблю тебя!» (80). «Эти три слова прозвучали не только неожиданно, но и невозможно» (80). «Это дело большое!» – нашел он новое слово» (81). Вернувшись в свой кабинет, Любкин вспоминает свою первую любовь, «барышню Люсю» (81) – «для любви не было ни времени, ни места, ни охоты в его жизни» (82). А Супрунов (глава XX) находит для Яхонтова как «особого человека» ответственное задание «в новом деле», они разыгрывают «комедию» с арестом Яхонтова. «А я его так арестовал, что он даже не знает, что он арестован» (85), – докладывает Супрунов Любкину. Выходило так, что надо было «поглядеть» и на Варискина, «потолковать с ним» (85).

Последние четыре главы первой части романа (главы XXI–XXIV) завершают «дело» Варискина. В XXI главе Любкин с Супруновым «встречаются» с Варискиным, Супрунов допрашивает его, Варискин дает свои «фантомные» показания, Любкин удивляется: «Верит! Понимаешь ли ты? Сам всему верит! И бороде, и двум пальцам! До чего дошел – верит» (88). Супрунов предупреждает Любкина: «Смотри за собой крепче» (89). В XXII главе Любкин у Елены Дмитриевны. «Да неужто ж оно настоящее?» – не поверил он себе, ощущая радость, от которой ему хотелось смеяться» (90) – так начинается «диалог» как бы на вершине «настоящего»: «...и совсем новое было для него то, что в нем самом стало шевелиться участие к Елене Дмитриевне» (93). Диалог закономерно заканчивается вопросами: «Какая-то ты сегодня такая... Непохожая. Да не в том суть, что непохожая ... а в том: настоящая ли ты? – А разве ты уже все настоящее ненастоящим сделал? – резко спросила Елена Дмитриевна» (93). Повествование переходит в «рабочую» сферу: Супрунов по телефону вызывает Любкина «на службу». Из XXIII главы мы узнаем, что Супрунов «ликвиди-

ровал», хладнокровно убил Яхонтова, о чем и доложил Любкину, когда тот приехал в управление (96). XXIV глава «закрывает» первую часть романа на «мнимом» победной ноте: друзья-чекисты завершают свое «дело». «Любкин начал ездить каждый день» (97) к Елене Дмитриевне, но однажды заметил у нее «румынско-русский словарь», и «внутри» у него «зашевелилось подозрение», «заноза <...> покалывала» (98). Супрунов отравил Варискина («...ночью скоропостижно умер во сне» – 100). «Все концы» пошли «в воду»: «...они вышли на балкон. Супрунов чиркнул спичкой и поджег лист бумаги» (100).

Вторая часть романа состоит из XXI главы, которые образуют своеобразный структурный ритм. Первая глава продолжает действие главы XIII первой части – «после ареста Григория Михайловича» (100). Среди «странных ощущений» Евлалии Григорьевны главным стало «почти физическое ощущение той силы, которая пришла, отняла и задавила» (101). Обнаружилась шкатулка Григория Михайловича с «порнографическими фотографиями» (102), Евлалия «бросилась к печке, открыла ее и бросила в огонь все открытки» («отвращение». – 103). По совету Софьи Дмитриевны Евлалия Григорьевна пошла к Чубуку, чтобы «дать знать <...> Семенову» (101–102). Отец «стал казаться» ей «жертвой, замученной той силой, которую Евлалия Григорьевна не умела назвать по имени» (103). «И Евлалии Григорьевне стало ясно: никто не имеет права быть против того, на кого навалилась злая сила. Эта сила враждебна всем и угрожает всем, а потому она и объединяет всех: чистых и грязных, праведников и преступников» (103). «Надо спасать! Надо спасать!» – колотилось в ее мозгу» (103), и это понимание входит в сознание читателя. А автор ведет нас дальше, по пути Григория Михайловича. II глава показывает Григория Михайловича в камере №15. «Тревога нарастала в нем, и предчувствие страшного охватывало его» (109). На третий день Володеева вызвали на допрос. Вместе со следователем Бухтеевым Григорий Михайлович заполняет анкету: «...это было подавленное подчинение той силе, в которой не было правды и которая поэтому уничтожала собою вокруг себя всякую правду» (111). В камере Григорий Михайлович «расплакался» (112). В IV главе допрос продолжается, и получается (по Бухтееву) так, что Григорий Михайлович «отказывается отвечать и сам себе подписывает смертный приговор» (116). В V главе Григорий Михайлович оказывается «в камере смертников» (119): «ему

«стало страшно» (123), но он переживает первый «ночной обход» (124). VI глава – психологически обнаженная, философски углубленная. В камере смертников на фоне «мирного дождя» идет напряженный спор (Осипов – Кораблев) о «смысле современной трагедии» (126), о человеке и власти, «советской власти», коммунизме и большевизме. Авторское понимание проблематики прямо раскрывает Кораблев: «Большевизм мне враждебен раньше всего оттого, что во мне есть какая-то ничтожная капля духа <...> большевизм враждебен всему тому, что не есть он... Ему нужно только одно – власть» (127). «Никого не будет: ни мыслителя, ни поэта. Будет только человек другой породы, который зажмет всех и заставит всех быть его рабами <...> на человечество навалилась страшная сила: власть человека другой породы, его “хочу”. Это большевизм» (128). В конце VI главы начар Никитин вызывает Володеева: «Выходи!» (130).

VII глава – трагическая, расстрельная: Григорий Михайлович пережил расстрел трех смертников и был отпущен... в жизнь: «...издалека слышался звонок трамвая. И этот звонок, донесшийся из той жизни, которая есть жизнь, потряс Григория Михайловича» (134). В VIII главе Григорий Михайлович возвращается в комнату к следователю Бухтееву: «Позади него стоял мрак, полный такого ужаса, который не вмещался в его душе, а Бухтеев показывал ему путь из этого мрака» (135). Бухтееву «никак не нужно было, чтобы Григорий Михайлович оговорил Евлалию Григорьевну, но ему была нужна полная сдача Григория Михайловича, полное его подчинение» (135). Караульный отшел Григория Михайловича в 15 камеру, откуда его два дня тому назад взяли.

В IX главе речь идет о встрече Евлалии Григорьевны с Семеновым, которого она просит о встрече с Любкиным: «...он, говорят, все может» (136). И сталкиваются две «величины». «Папаша-то вам – сексот», – говорит Семенов Евлалии Григорьевне, а та все равно решается идти к Любкину: «Пойду!» (139). «Евлалия Григорьевна не понимала, почему Семенов так страшно не хочет, чтобы она шла к Любкину. Но ее “пойду” он ломал всей своей силой. Ему было нужно сломать, чтобы воочию увидеть, что сила Евлалии Григорьевны ничто и что ему нечего бояться этой силы. А он ее боялся» (139). Семенов говорит Евлалии Григорьевне, что Григорий Михайлович «и мужа-то вашего» (140), а та все настаивает: «Пойду! Пойду!» (140). «”Я сам все сделаю” <...> тихо сказал Семенов» (140). «Тут главное, чтобы этого

Любкина увидеть! – немного хитро подмигнул он» (140). В X главе Григорий Михайлович возвращается в 15 камеру, сокамерники догадываются, что «старика» водили «на фиктивный расстрел» (142). Григория Михайловича вызывают на допрос, и Бухтеев сообщает ему об «освобождении» (143) и «двойной ответственности», так как он «наш секретный сотрудник» (144).

Следующий романский «блок» образуют пять глав: XI–XV – от возвращения Григория Михайловича домой до его самоубийства. XI глава воссоздает сложный процесс взаимоотношений отца и дочери после возвращения Григория Михайловича: «Григорий Михайлович стоял перед нею, так, дрожа, заглядывал ей в глаза таким мучительным взглядом и пытался улыбнуться такими мертвыми губами, что сердце Евлалии Григорьевны застыло и зануло» (144); «– Если б ты знала! Если б ты знала! – дрожащим голосом еле выговаривал Григорий Михайлович. Он многое вкладывал в эти слова». «– Тяжело было? – тихо, почти шепотом спросила она, глядя на него с искренним состраданием» (146). «Неужели можно вернуться к простым делам простой жизни?» (147). «Раскаяние, которое так искренне охватило его “там”, здесь потускнело, сделалось фальшивым, лишним и ненужным» (147). В XII главе Любкин «ощущает» «свои занозы»: «отношение к коммунизму», «живому человеку» (148), нехватку «нужного» («Еда-то есть, а соли нет»), «требование неисполнимого» (148) – у Елены Дмитриевны попросил «достать это самое Евангелие» (149). «Нет в СССР Евангелия, – почему-то холодно и резко ответила Елена Дмитриевна. – Люди прячут Евангелие» (149).

В XII главе Евлалия Григорьевна «с тоскливым сердцем» пошла в местпром «получить зарплату за месяц» (150) и столкнулась с «осуждающим» приемом машинисток: «Они смотрели на все через искривляющую, уродующую призму, а потому и видели все в искривленном, изуродованном виде» (150). XIV глава продолжает повествование о «тягостных» взаимоотношениях отца и дочери: «Два человека, отец и дочь, жили вместе, в одной комнате, ели один обед, делали маленькие домашние дела и даже разговаривали друг с другом, но каждый из них прятался. Евлалия Григорьевна прятала готовое прорвение омерзения и свой стыд за это омерзение, а Григорий Михайлович прятал и давил свой порыв к раскаянию и к любви» (154). XV глава дает трагическое разрешение нравственно-психологической коллизии между отцом и дочерью. «29 ноября Григорий Михайлович получил повестку», «вызов в

НКВД» (155), прощается с «Лалой» (поцелуй «как оскорбление» – 155–156), получает «задание» от «товарища Золотухина», выходит на «белые улицы» («предчувствовалась зимняя оттепель» – 157). «Он знал, что все его существо, каждая клеточка нервов, каждая капелька крови и каждая извилина мозга наполнены двумя: «она все знает» и «надо готовить материал на Триполева» (158). Он отправился на вокзал, купил перронный билет и «подошел к самому краю платформы»: «...в это время поезд почти поравнялся с ним, и Григорий Михайлович рванулся вперед» (159).

Последняя пятерка глав второй части: главы XVI–XX – имеет свою логику и выводит на финальную, «замковую» XXI главу.

XVI глава показывает осознание Евлалией Григорьевной «несчастливого случая» (161) и разговор с Семеновым, которому уже все «передали» (161). «– Меня вы жалеете! – искренне призналась Евлалия Григорьевна. – Я? – потупился Семенов, и страшная боль отразилась на его лице» (162). «И до чего же странно смотреть мне на вас, если бы вы знали, – тихо, словно для себя, сказал он. – И как это вы в наше время образоваться могли?.. А ведь не погибнете вы!.. Все может погибнуть, а вы нет!.. А кто вы такая, не разберу я!» (162). XVII глава рисует Любкина в новой, «чрезвычайной» ситуации. В декабре он вернулся из Москвы с новостью – «получил тайное и чрезвычайно ответственное назначение в Афганистан» (164). В отдельном кабинете ресторана «Театральный» Любкин и Супрунов обсуждают новое назначение, и Супрунов говорит: «А ты в Афганистане не дури! Ты подожди там, сколько надо будет, а потом, как осмотришься, беги!» (167). И на этом уровне пошел разговор о «суперфляе» и «суперфляйстве», который заканчивается «настойчивыми» вопросами Любкина: «А беги-то разве настоящее? А большевизм-то разве настоящее? А вдруг и большевизм – суперфляй?.. Так где же настоящее... В чем оно?» (169). В XVIII главе продолжается «театральное» действие: Любкин напился, «окончательно потерял себя и иступленно кричал: – Настоящее! Где оно, настоящее-то?» (171), и на следующий день, 21 декабря, поехал к Елене Дмитриевне. Глава XIX представляет «ликвидацию» «любви» Елены Дмитриевны. «Она нерасчетливо разоблачила себя перед ним: «Я не боюсь тебя! Я ненавижу тебя! Ты мерзок! Мерзок!.. Тебя любить нельзя»» (175), и Любкин убивает Елену Дмитриевну: «Стерва!.. Не-на-стоящая ты!» (174, 175), «выстрелил ей в левый висок» (175). «Да неужто есть еще такие, которые ничего не выдумывают,

а...а настоящим живут?» (176), и Любкин «вполголоса сказал шоферу адрес» и «рассмехался радостно и просветленно» (176). XX глава выводит Евлалию Григорьевну на рубеж последней романной встречи с Любкиным: она пытается понять «нелепый абсурд», «тайную логику»: «плохое происходит оттого, что хорошее делает Семенов, именно он» (177); «ее сознание было придавлено ощущением: “Я погибла ... все смешалось в ней и в ее жизни” (178). «В это время кто-то позвонил три раза» (179).

Финальная XXI глава связывает и объясняет все линии и сферы повествования, поднимая заглавную проблематику романа на высший, авторский социально-психологический и нравственно-философский уровень. Любкин («он почему-то был в военной форме» –179) разоблачается и «исповедуется» перед Евлалией Григорьевной: «Любкин я!.. А никакого Семенова нет и не было» (179). «Я сейчас до точки дошел» (180). «Я... Я сейчас... Я человека убил! Женщину!» (181). «Евлалия Григорьевна стала видеть (словно через мглу, словно в тумане), что она совсем не погибла, потому что подлинная гибель в том, от чего гибнет Любкин» (181). Любкин признается, что это он приказал арестовать отца Евлалии, а потом «не доглядел», «без внимания его оставил» (184). «Чем понятнее все становилось» Евлалии Григорьевне, «тем большая тяжесть наваливалась на ее сердце» (184). «Она знала, что он

убийца и что эти руки убили, но об этом она даже не думала. На нем была кровь, и она знала, что на нем кровь, но это странным образом не пугало е, а пугало ее другое: то, что он не мог даже выговорить слово “добро”. В этом она видела что-то такое большое и такое ужасное, что она не могла даже охватить это» (185). «И вы от себя не уходите! – и просила и уверяла Евлалия Григорьевна» (186) – «Вот, стало быть, и все... А Софье Дмитриевне вы от меня кланяйтесь, обязательно кланяйтесь! И за “соль” поблагодарите!» (186) – прощается Любкин и уходит. В «полном смятении» Евлалия Григорьевна «побежала в Софье Дмитриевне», «рассказывает» ей «все», и Софья Дмитриевна (вместе с автором) отвечает на «страшные вопросы»: «Что погубило Вадю и отца? Что погубило и ... его самого, Любкина? Что нас всех губит?» – «А этого я не знаю. Навалилось оно на всех и давит, а что оно такое, я не знаю... Значит, оно такое, что оно только давить может, а больше оно ничего не может! Ну, и... Ну, и... Ну, а если так, то оно само себя задавит, не иначе! – очень уверенно закончила она» (187).

Так на человеческой, прогностической ноте завершается нароковский роман, в котором сквозь «магический кристалл» заглавия ярко раскрываются многообразные «мнимые величины» советского XX века и уверенно утверждается «настоящее», человеческое добро, сердце, совесть.

1. Ванюков А.И. Литература русского зарубежья. Из истории русской литературы XX века. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1999. С. 30.
2. Сухих О. Философские мотивы произведений Ф.М.Достоевского в романе Н.Нарокова «Мнимые величины» // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И.Лобачевского. Сер. «Филология». Вып. 1. 2004. С. 36–44.
3. Кржановский С. Поэтика заглавий. М., Изд-во Никитинские Субботники, 1931. С. 6.
4. Энциклопедический словарь. СПб., Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. 1896. Т. XIX А. Полутом 38. С. 541–542.
5. Нароков Н. Мнимые величины: роман // Дружба народов. 1990. №2. С. 10. В дальнейшем страница указывается в тексте в скобках.

“IMAGINARY VALUES” BY N.NAROKOV: POETICS OF TITLE AND STRUCTURE OF NOVEL

© 2017 A.I.Vanyukov

Alexander I. Vanjukov, doctor of philological science, professor of the modern Russian literature.

E-mail: ai_vanukov@mail.ru

Saratov State National Research University. Saratov, Russia

Novel by N.Narokov (Nikolaj Vladimirovich Marchenko-Narokov, 1887–1969) "Imaginary values" was issued in publishing house named after A.P.Chehov(New York) in 1952 and became the newsmaker in the literature of Russian abroad [1] as in content(the Soviets-1937), as according to form (traditions of Russian classical novel, begin with F.M.Dostoevskij). There is a great role in revelation of authorial conception of novel as epic whole "first word", title, which "gives marginally whole book", "condense it". The novel "Imaginary values" by N.Narokov comprises two parts: there are XXIV chapters in the first part, and there are XXI chapters in the se-

cond part, and taking together they evulgate staging and evolution of initial "topic", its main and metaphorical meaning.

Keywords: the novel "Imaginary values" by N.Narokov; authorial conception of title; metaphorical meaning of initial topic.

1. Vaniukov A.I. Literatura russkogo zarubezh'ia. Iz istorii russkoi literatury XX veka (Literature of Russian abroad. From history of the Russian literature of the 20th century). Saratov, Izd-vo Saratovskogo, un-ta, 1999. S. 30.
2. Sukhikh O. Filosofskie motivy proizvedenii F.M.Dostoevskogo v romane N.Narokova «Mnimye velichiny» (Philosophical motives of works of F.M.Dostoevskij in the novel by N.Narokov "Imaginary values"). *Vestnik Nizhegorod. un-ta im. N.I.Lobachevskogo. Ser. «Filologiya»*. Vyp. 1. 2004. S. 36–44.
3. Krzhanovskii S. Poetika zaglavii (Poetics of title). M., Izd-vo Nikitinskie Subbotniki, 1931. S. 6.
4. Entsiklopedicheskii slovar' (Encyclopedia). SPb., Izd. F.A.Brokgauz, I.A.Efron. 1896. T. XIX A. Polutom 38. S. 541–542.
5. Narokov N. Mnimye velichiny: roman (Imaginary values:novel). *Druzha narodov*. 1990, no. 2. S. 10. V dal'neishem stranitsa ukazy-vaetsia v tekste v skobkakh.